

Алексей Калугин

Побочный эффект

*Часть сборника
Время – назад! (сборник)*

Алексей Калугин
Побочный эффект

Серия «Первая Марсианская», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161798
Время – назад!: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12621-X*

Аннотация

Вот уже как два года идет Первая Марсианская война... А солдатская жизнь тяжела. Неудивительно, что многие развлекаются легким галлюциногеном не вызывающим привыкания и вызывающим радостные грезы. Но рядовому Ерко вместе приятных видений, он принес страшный кошмар... А вскоре ужасное видение вырвалось в реальность...

Алексей Калугин

Побочный эффект

К тому времени, когда Николай Ерко оказался на Марсе, в составе 12-й пехотной роты, державшей оборону в районе Сырого провала, энтузиазм первых недель войны давно сошел на нет. Все, от генерала до рядового, понимали, что война с высадившимися на Марсе пришельцами приняла затяжной характер и на скорую победу рассчитывать не приходится. Реки добровольцев, в начале войны несшие свои бурные воды на мобилизационные пункты, измельчали, превратились вначале в тоненькие ручейки, а вскоре и вовсе иссякли. Ну а поскольку армия несла потери не только в технике, но и в живой силе, вместе с выпускниками военных академий, большинство из которых мечтали не столько о боевой славе, сколько об удачной карьере и спокойной службе в каком-нибудь тихом, уютном, пусть даже захолустном уголке на Земле, на Марс начали отправлять «специалистов военных профессий».

Придумавший столь емкое определение представитель Генштаба, вне всяких сомнений, был гением. Причислить к «специалистам военной профессии» можно было любого, все зависело от широты властных полномочий и воображения того, кто принимал решение. А после двух месяцев в подготовительном лагере, расположенном в климатической

зоне, максимально соответствующей марсианской пустыне, даже знаток древнероманских языков готов был признать себя годным к несению строевой службы.

В свои двадцать два года Николай Ерко был неплохим специалистом в области адаптационной коррекции компьютерных программ. Поэтому, получив извещение о призыве на воинскую службу, он не стал, подобно другим, бегать по инстанциям, доказывая, что в отношении его допущена ужасная ошибка и что он куда полезнее обществу как программист, нежели как боевая единица. Он был уверен, что на Марсе будет заниматься тем же, чем и на Земле, – подгонять новые программы под конкретные требования пользователей. Ну а то, что на какое-то время его работодателем станет Министерство безопасности и обороны, казалось Ерко непринципиальным. Зато после года, проведенного в штабе Марсианской группировки, он мог без проблем устроиться на работу в лучшую фирму, занимавшуюся разработкой программного обеспечения, – какой администратор рискнет отказать ветерану Первой Марсианской войны?

Пройдя двухмесячную подготовку в Каракумах, Ерко с легким сердцем закинул свой вещмешок в грузовой отсек челнока, доставившего новобранцев на окологлунную орбиту. Там молодым бойцам пришлось перебраться в грузовой отсек старенького «Урала», где было не так комфортно, как в челноке, но все равно весело. Семь тяжеловесных и неповоротливых «Уралов» в свое время обеспечивали снабжение

немногочисленной марсианской колонии, пришедшей в упадок и запустение задолго до вторжения траггов.

В Марсопорте новобранцев разделили на группы и развели по десантным ботам.

Николай не сразу понял, куда угодил. Даже после того, как бот приземлился и вместо бетонного покрытия летного поля Ерко ступил на крупный, чуть красноватый, сыпучий марсианский песок, он все еще надеялся на лучшее.

Сырой провал по форме напоминал лунный цирк диаметром в три с лишним километра и глубиной более ста пятидесяти метров. Центральную его часть заполняла непроходимая топь зыбучих песков. Позиции противников располагались по разные стороны провала, прикрытые невысокой каменной грядой, тянущейся по окружности кратера. Противостояние продолжалось без малого восемь месяцев. Попытка форсировать зыбучие пески на дне кратера была заранее обречена на провал. Фланговый маневр также не мог принести удачу: чтобы добраться до позиции противника в обход каменной гряды, штурмовому отряду пришлось бы пройти не менее пятисот метров по гладкой как стол равнине. Противники то и дело обменивались артиллерийскими ударами, но дальше этого дело обычно не шло. Если одна из сторон и предпринимала какое-то активное действие, то это была не массированная атака, а, скорее, попытка прощупать тот или иной участок обороны противника, который казался уязвимее других.

Спустившись с песчаной возвышенности, новобранцы увидели казармы, собранные на скорую руку из металлопластиковых щитов. В подобных условиях трудно было рассчитывать даже на минимум бытовых удобств. Солдаты спали в гамаках, подвешенных в три ряда в длинном, узком помещении казармы. Днем гамаки убирали, и спальное помещение превращалось в огромную бытовку, где каждый занимался своим делом. Чтобы создать хотя бы иллюзию уединения, солдаты использовали самодельные раздвижные ширмы.

Ситуация вокруг Сырого провала не устраивала никого из вновь прибывших: ни тех, кто всерьез рассчитывал покрыть свои пока еще чистые погоны боевой славой, ни тех, кто надеялся отсидеться в тихом уголке, чтобы потом, вернувшись на Землю, с гордым видом рассказывать о подвигах, о доблести, о славе. Они были не первыми, кто испытал острое разочарование, увидев Сырой провал. Но, как и многие другие до них, новички вскоре привыкли к жизни в постоянном ожидании неизвестно чего, под истеричный вой вражеских снарядов, которые не зря окрестили бэншами.

Уяснив, что корректировщик компьютерных программ в Сыром провале не нужен, Ерко не сказать чтобы очень уж расстроился. Он просто потерял всякий интерес к тому, что происходило вокруг. Николай исправно выполнял свои служебные обязанности, а в свободное время сидел на табурете в углу, вперив взгляд в неровные складки металлопластика на потолке. Прекрасно понимая, что изменить что-ли-

бо не в его силах, он просто ждал. Ждал, когда всему этому придет конец. Война превратилась для него в один изматывающе длинный день, наполненный воем бэншей, грохотом близких разрывов снарядов, криками командиров, отдающих приказы, руганью солдат, пытающихся их выполнять, и опустошающей душу тишиной, когда внезапно наступало затишье и начинало казаться, будто весь мир провалился в бездонный ужас безмолвия.

Единственным, что выводило Ерко из себя, был мелкий красноватый песок, лезущий во все щели, забивающийся в каждую складку. Укладываясь спать, он подолгу тряс свой спальный мешок в тщетной надежде избавиться от песка. Николай дергал спальник за углы с такой силой, что, казалось, тонкая теплоизоляционная синтетика вот-вот с треском разорвется посередине. И все равно едва только Ерко ложился в гамак, ему начинало казаться, что мелкий красный песок засыпает его тело. Сначала он пытался смахнуть его с себя. Но песка становилось все больше. Он лип к влажной коже, вызывая нестерпимый зуд, набивался в волосы, лез в нос, в рот, в уши...

Обычно именно в этот момент Ерко вздрагивал и просыпался. Какое-то время он лежал неподвижно, глядя в темноту. Ему казалось, что он все еще ощущает мучительное удушье, не в силах выплюнуть забивший горло песок. Николай проводил влажной ладонью по спальнику, чтобы удостовериться, что на нем нет песка. Только после этого он натяги-

вал край спальника до подбородка и закрывал глаза. Но вместе с обволакивающей сознание дремой возвращался кошмар, в котором Ерко видел себя погребенным под слоем марсианского песка.

В иную ночь таких приступов бывало три, а то и четыре. Наутро Ерко вылезал из гамака совершенно разбитый, с отеками от бессонницы веками.

Он никому не рассказывал о своей проблеме со сном. Даже когда на третьем месяце его службы в роту наведалься полковой психолог, Ерко не стал ни на что жаловаться. Он не верил в то, что врач был в состоянии понять, что с ним происходит, а значит, и помочь ему он не мог.

* * *

«Шах» – так, бог уж знает, по какой причине, солдаты Сырого провала прозвали легкий галлюциноген, который буквально витал в воздухе в окрестностях казармы. Для того чтобы собрать его, достаточно было под вечер расстелить на земле, где-нибудь поближе к краю провала, махровое полотенце. Через несколько часов на ворсинках оседала мельчайшая пыль, вместе с потоками нагретого за день воздуха поднимавшаяся со дна кратера. Пыль нужно было аккуратно перенести в небольшую емкость, залить водой и как следует потрясти минут десять-пятнадцать. Затем следовал нехитрый химический процесс с использованием общедоступных

реактивов, включавший в себя экстракцию с последующим выпариванием. Сухой осадок, оставшийся на дне емкости, собирали на полимерные фильтры для респираторов. Это и был «шах» – в чистом виде.

Начинающий биолог, волею случая, судьбы или кого-то из старших офицеров оказавшийся в свое время в составе 12-й роты, высказал гипотезу, объясняющую удивительные свойства пыли, поднимающейся из кратера. Все дело было в осевших на ней микроспорах серого марсианского лишайника, росшего среди зыбучих песков на дне провала. Споры содержали в себе химическое вещество с трехэтажным названием, которое, воздействуя на лобные доли мозга, вызывало причудливые видения. Теория была любопытная, но заниматься ее доказательством под огнем противника никто не собирался. Солдатам было достаточно того, что «шах» давал возможность быстро и без видимого ущерба для психики расслабиться, забыть о войне, о траггах, о марсианской пустыне и о самом Сыром провале. Действие стандартной дозы «шаха» продолжалось не больше минуты, но человеку казалось, что он несколько часов пробыл в волшебном иллюзорном мире. И, что самое главное, галлюцинации никогда не перерастали в кошмар. Мир видений, в которые погружался человек, принявший «шах», был на удивление безопасен и светел.

В районе Сырого провала «шах» принимал каждый, будь то рядовой, сержант или офицер. Что толку сидеть в четырех

стенах, пляясь в экран, по которому в сотый раз крутят старую комедию, способную вызвать усмешку разве что только у клинического идиота, если можно в один миг перенестись в райский сад с цветущими миндальными деревьями, под которыми на восточных коврах восседают пышнотелые гурии?

За пять месяцев службы Николай Ерко так ни разу и не сподобился попробовать «шах». Причиной тому были вовсе не высокие моральные принципы, которым стремился следовать рядовой Ерко, и не приверженность ортодоксальной религии, запрещающей своим адептам принимать какие бы то ни было психостимуляторы. Причина была проста, но одновременно и труднообъяснима. Марсианский песок внушал Ерко почти физиологическое отвращение. Ему было омерзительно простое прикосновение к коже поднятого внезапно порывом ветра песка, поэтому даже в ясную погоду, выходя в дозор, он непременно надевал пылезащитную маску. «Шах» же в его представлении был неразрывно связан с марсианским песком. Принять его было равносильно тому, что впустить в себя частицу марсианской пустыне, позволить ей овладеть собственным сознанием, растворить человеческую личность, подчинить ее себе, сделать частью бескрайнего песчаного моря, способного поглотить все и вся. От одной только мысли об этом Ерко испытывал мучительный приступ тошноты.

Как случилось, что однажды Ерко все же попробовал «шах»? Трудно сказать. Тем более что к настоящему момен-

ту в живых не осталось никого, кто мог бы об этом рассказать.

Возможно, все произошло именно так, как происходит многое в этом мире, – само собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.